

УДК 327

Тихоокеанская Россия в российско-китайских отношениях: затянувшееся ожидание прорыва¹

Виктор Лаврентьевич Ларин,

доктор исторических наук, профессор, директор
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: victorlar@mail.ru

В статье рассматривается современное состояние российско-китайских региональных связей как одной из реальных платформ для обеспечения интеграции России в АТР. Автор полагает, что осознание Москвой важности приграничных и региональных связей с Китаем позволит ей лучше использовать потенциал Тихоокеанской России для решения стоящих перед государством геополитических и экономических задач.

Ключевые слова: Тихоокеанская Россия, Китай, приграничные связи, развитие Дальнего Востока.

Russia's Pacific in the Russo-Chinese relations: prolonged waiting of breakthrough.

Victor Larin, Dr. Sc. (History), Professor, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article analyses today Russia-China regional and cross-border relations as one of real platforms ready to support and speed up the process of Russia integration in APR. The author claims that as if Moscow understands the real importance of these relations for Russia future development it will have the ability to utilize a huge Pacific Russia potential more effectively in order to solve geo-political and economic problems Russia has in the region.

Key words: Pacific Russia, China, cross-border relations, Far East development.

Означении восточных регионов России (традиционно — Дальнего Востока и Забайкалья, а в современном толковании — Тихоокеанской России²) в её отношениях с Китаем написано и сказано много и на самых разных уровнях, как и о критической роли этих территорий в «повороте»

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14-18-00161 «Дальневосточный ресурс интеграции России в АТР: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия».

² Под Тихоокеанской Россией автор понимает территории России к востоку от оз. Байкал, которые уже ориентируются — экономически и социально — на взаимодействие со странами Тихоокеанского региона.

страны на Восток. Достаточно упомянуть декабрьское (2012) послание президента Федеральному собранию, где не в первый раз подтверждено намерение Кремля использовать «колоссальный потенциал Сибири и Дальнего Востока» для того, чтобы Россия заняла «достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [26]. Социально-экономическое развитие этих территорий, подъём их экономики до уровня, способного обеспечить кооперацию «с динамичными экономиками Тихоокеанской Азии» (а таковой является прежде всего китайская экономика), объявлены неременным условием для занятия этого «достойного места».

Столь же очевидным для ряда специалистов кажется сегодня рассматривать российско-китайское взаимодействие как ресурс модернизации Тихоокеанской России. Директор Института Дальнего Востока РАН М.Л. Титаренко видит в нем «ключевой рычаг развития восточных районов РФ» [37, с. 241], а его коллега в Пекине директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР Ли Юнцюань уверен, что северо-восточные провинции Китая могут стать не только стратегическим партнёром и активным участником модернизации Дальнего Востока и Забайкалья, но и гигантским «рыночным гарантом» их развития [18, с. 6].

Однако сделано для этого до обидного мало. Продвижение России в Азию буксует, в немалой степени потому, что интеграционный потенциал восточных районов страны используется в лучшем случае интуитивно, бессистемно, а зачастую просто игнорируется. «Ускоренное развитие» Дальнего Востока, несмотря на громкие заявления, важные решения и определённые шаги, касается лишь отдельных территорий и большей частью происходит на бумаге. Российско-китайские отношения демонстрируют полное взаимопонимание руководителей двух государств, особенно в сфере глобальной и межгосударственной политики, но при этом застой в области экономики откровенно затянулся. Судьбоносные соглашения по нефти и газу суть и характер этих отношений не меняют. Примитивная модель двусторонней торговли — «сырьё в обмен на потребительские товары», отсутствие производственной кооперации, мизерные взаимные инвестиции, засилье различных полукриминальных схем взаимодействия как в межгосударственных, так и в региональных и приграничных экономических связях, о которых в последнее десятилетие много писали как российские [1, с. 222; 14, с. 210—270; 25, с. 325—328; 42, с. 52—68 и др.], так и китайские эксперты [2, с. 10—11; 3, с. 176—187; 7, с. 51—54; 44, с. 599—606], сегодня остаются столь же актуальной и нерешаемой проблемой.

Итак, где нестыковки? В чем противоречия и где подводные камни? Почему, казалось бы, теоретически внятная и убедительная со всех позиций связка «интеграция России в АТР — развитие Тихоокеанской России — российско-китайское региональное взаимодействие» упорно не работает, несмотря на заклинания высокого начальства? Уяснит ли, наконец, это начальство, что, по образному выражению Чжао Хуашэна, российско-китайские отношения без активного регионального

взаимодействия — всё равно что «стреноженная лошадь», которая «может только медленно идти, но не нестись вскачь» [43, с. 33]?

По моему мнению, главных причины три, и все они кроются в неготовности самой России изменить алгоритм мышления и парадигму своего развития, отказавшись от многовековой исключительной ориентации на Запад и введшегося в подсознание россиян восприятия Востока как мировой периферии, а собственных азиатских территорий — как не более чем ресурсной базы и транзитной зоны («моста» — в более мягкой формулировке) для обеспечения взаимодействия собственно России (той, что в Европе, до Урала) с Азией. Только изменение отношения центра к Азиатско-Тихоокеанскому региону, осознание им важности приграничных и региональных связей российских территорий со странами этого района мира, прежде всего Китая, и адекватное реалиям восприятие Сибири позволит ему в полной мере использовать интеграционный потенциал этой территории для решения геополитических и экономических задач, стоящих перед государством.

ИНТЕГРАЦИЯ В АТР И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

Нагляднее всего место Китая в интеграционном проекте России в АТР выявляют современные подходы руководства страны к обустройству территории Дальнего Востока и Забайкалья. Не вызывает сомнения, что главным вдохновителем и режиссёром нового акта исторической драмы, именуемой «движением России на Восток»³, в последние полтора десятилетия является В.В. Путин. Также очевидно, что характер и результаты политики правительства России в отношении её дальневосточных окраин определяется тремя главными обстоятельствами: 1) тем видением восточных районов страны, путей их развития, их места и роли в российском государстве, которое сложилось у президента страны и его окружения; 2) целями, которые ставит перед собой правительство России в отношении региона и в более широком контексте — в Восточной Азии и АТР; 3) степенью соответствия этого видения и указанных целей реальной ситуации в регионе и интересам людей, проживающих на этой территории. Существует и четвёртая сила, которая прямо не влияет на содержание российской азиатской политики, но подспудно и опосредованно воздействует на её результаты: это интересы и действия соседей России по региону, прежде всего Китая и Японии.

Закономерно, что идеология нового «поворота», все свойственные ей достоинства и проблемы в наиболее концентрированном виде представлены в выступлениях и статьях политического лидера страны.

³ Использую это выражение без доли иронии, поскольку это движение продолжается уже без малого четыре столетия и фактически являлось одним из ключевых элементов развития российского государства.

Эти документы являются наилучшим источником для понимания сути существующих проблем и оценки перспектив их решения. На данный момент взгляды руководства страны на роль и место Тихоокеанской России во внутренней и внешней политике страны, в целом, устоялись, чего пока не скажешь о выборе путей и моделей развития самого региона. И в самих этих взглядах укоренились глубокие противоречия, которые и обуславливают низкую эффективность, если не крах всех попыток Кремля решать широко декларированные задачи развития Дальнего Востока и интеграции в АТР, а вместе с тем делают дискуссионным широкое вовлечение Китая в экономическое развитие восточных районов России.

Анализ взглядов президента России и принимаемых на этой основе официальных документов показывает, что в начале XXI в. политика Кремля в отношении Тихоокеанской части России складывается под воздействием трёх базовых идей. Первая из них — геополитическая, представление о том, что владение территорией Тихоокеанской России является непременным для российского государства условием присутствия в АТР и обладания статусом тихоокеанской и глобальной державы. Задачу «прочно закрепиться во всех азиатских делах» В.В. Путин сформулировал для России ещё в самом начале своего пребывания на посту президента страны [30]. Тогда же прозвучал важный посыл о том, что «хозяйственные интересы региона и геополитические интересы Российского государства... совпадают» [29].

Китай, очевидно, не оспаривает ни российское присутствие в Азии, ни интересы России в регионе⁴, ни существующие сегодня территориальные реалии, хотя ностальгия по «утраченным территориям» достаточно отчётливо прослеживается как в публикациях учёных⁵, так и особенно в интернет-пространстве.

Вторая идея — возможность использовать природные богатства и пространственно-географическое положение региона в качестве мощного ресурса социально-экономического развития всей страны. В ноябре 2012 г. президент России ещё раз подтвердил не раз высказанную мысль о том, что восточные районы страны — это «важнейший фактор процветания и роста могущества России в целом» [8], и на решение этой задачи преимущественно нацелены разнообразные федеральные и отраслевые программы социально-экономического развития. Идея не нова, об этом — применительно к Сибири — говорил ещё М. Ломоносов, но в начале XXI в. она обрела новую — модернизационную — интерпретацию и современное звучание. С точки зрения руководства КНР, решение этой задачи также отвечает интересам его страны. Как высказался по этому поводу Си Цзиньпин, «процветающая и сильная Россия

⁴ Как утверждает автор одной из последних монографий об азиатско-тихоокеанской политике России Лю Цинцай, «Россия — это значимое государство в АТР и имеет там важные интересы в области политики, экономики, безопасности и культуры» [20, с. 1].

⁵ Подробнее см.: 13, с. 5—23.

отвечает интересам Китая и также будет оказывать благоприятное воздействие на мир и стабильность в АТР и мире» [32].

Третья идея имеет отношение к теме одновременно и философской, и геополитической, и экономической: давним и пока безуспешным поискам Россией баланса между Западом и Востоком. Очевидно, что нынешнее смещение акцента в развитии страны на восточные районы — это объективный процесс, необходимый для уравнивания гипертрофированной роли евро-атлантического мира в жизни России. События вокруг Украины делают этот поворот ещё более актуальным. Проблема, однако, в том, что концепция интеграции России в АТР, как и встарь, обременена мессианскими идеями о вовлечении в этот процесс всей Европы и исполнении Россией «высокой роли» моста, призванного соединить между собой Запад и Восток. Неудивительно, что некоторые зарубежные эксперты усмотрели в декларациях Кремля об интеграции России в АТР не более чем его намерение упрочить её статус как «великой евразийской державы» [5, с. 52; 47, с. 11].

В феврале 2012 г. В. Путин, как бы включаясь в затянувшуюся дискуссию о месте России в мире, категорично выразил свою точку зрения: «Россия — неотъемлемая, органичная часть Большой Европы, широкой европейской цивилизации». Тогда же был определён магистральный и бесспорно европоцентричный курс Российского государства: «к созданию от Атлантики до Тихого океана единого экономического и человеческого пространства — общности, называемой российскими экспертами «Союзом Европы». По мнению президента, этот союз «только укрепит возможности и позиции России в её экономическом повороте к «новой Азии», а поэтому необходимо «поработать в пользу создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока» [31]. Можно предположить, что это «единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока» (в разных трактовках то ли европейское, то ли евразийское)⁶ стало негласным приоритетом Кремля в экономике, так же, как его акцент на страны СНГ в политике. Закономерно, что Концепция внешней политики РФ 2013 г. объявила Россию «неотъемлемой, органичной частью европейской цивилизации», а её основной задачей в отношениях с Европейским союзом — «продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана [11]»⁷.

Логическая цепочка рассуждений приводит к двум умозаключениям, которые имеют непосредственное отношение к содержанию российской политики на востоке страны и формированию китайской политики

⁶ Идею экономически единой Европы «от Лиссабона до Владивостока» В.В. Путин — в те времена глава правительства России — впервые обозначил в статье для немецкого издания «Зюддойче цайтунг» [48]. Два года спустя он трактовал его как «единое евразийское экономическое пространство: от Лиссабона до Владивостока» [27].

⁷ Этот приоритет зафиксирован во всех Концепциях внешней политики Российской Федерации, утверждавшихся в 1993, 2000, 2008 и 2013 гг. В Концепции 2013 г. АТР в перечне региональных приоритетов России отводится пятое место, следом за СНГ, Европой, США, Арктикой и Антарктикой.

России. Первое: Тихоокеанская Россия — это часть европейского, а не азиатского экономического пространства. Этот вывод полностью подтверждается нынешней ориентацией внешнеэкономических связей страны, которая, однако, всё более вступает в противоречия с интересами и экономической ориентации восточных районов России⁸. Второе: подключение Китая к развитию Тихоокеанской России как части европейского экономического пространства крайне сомнительно, если не невозможно, так как это будет сопряжено с огромным количеством препятствий и проблем, обусловленных уже существующими системой и масштабом отношений КНР с ЕС⁹. В конечном итоге, события первой половины 2014 г., политика Евросоюза в отношении России убедительно доказывают иллюзорность идей политического руководства страны относительно равноправных отношений с ЕС и готовности Брюсселя принять Россию как посредника в его отношениях с Азией. Однако отказаться от этой заманчивой идеи непросто.

При всём этом президенту и правительству приходится учитывать, что восточный сегмент данного пространства (территория Дальнего Востока и Забайкалья) на сегодняшний день мало приспособлен для решения столь высоких задач. В той же степени он не готов выполнять функцию плацдарма для интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, если, опять же, считать целью создание единого экономического пространства Россия — АТР, а не тривиальную транспортировку российских энергоресурсов в Азию.

Первое и главное препятствие — социально-экономическая неразвитость Тихоокеанской России. Это обстоятельство не раз обсуждалось на заседаниях Госсовета, Совета безопасности, правительства России, посвящённых обстановке на востоке страны. Более десяти лет назад, в ноябре 2002 г., президент страны признал, что существующие на Дальнем Востоке «серьёзные демографические, инфраструктурные, миграционные, экологические проблемы», «разбалансированность в его экономике» и «напряжение в социальной сфере»... «ограничивают возможности России по успешной интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион» [28]. За прошедшее время если что и изменилось, то только в худшую сторону. По условиям и комфортности жизни регион всё больше отстаёт как от остальной России, так и от соседних территорий Японии, Южной Кореи и Китая. Следствием такого отставания является неуклонное сокращение численности его населения. Катастрофическое в 1990-е гг., оно продолжается и сегодня¹⁰ и не компенсируется миграционным притоком извне (преимущественно из районов Центральной Азии).

⁸ На долю Европейского Союза приходилось в 2013 г. 49,4%, а в 2012 г. — 48,7% внешней торговли РФ [4], в то время как в структуре внешнеэкономических связей ДВФО доля ЕС составила в 2013 г. только 14,2%, а стран СНГ — 0,8%. 84,8% стоимости внешнеторгового оборота региона пришлось на страны АТЭС [24, с. 14—15].

⁹ Объём двусторонней торговли между Китаем и ЕС составил в 2013 г. 559 млрд долл. (<http://www.customs.gov.cn/tabid/2433/InfoID/690424/firtid/49564/Default.aspx>).

¹⁰ С 1990 по 2014 г. число жителей Дальневосточного федерального округа сократилось на 22,6% (с 8,05 млн до 6,22 млн чел.), в том числе за 2007—2013 гг. — на 283 тыс. чел. (4,3%) [22, с. 286; www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/prPopul.xls].

Не меньшим вызовом для России считается потенциальная угроза утраты этой территории, а, соответственно, сохранения целостности российского государства, что преимущественно и подвигло руководство страны на принятие кардинальных решений [см.: 12]. Об угрозе «существования региона как неотрывной части России» В. Путин впервые высказался ещё в июле 2000 г. и не где-нибудь, а в г. Благовещенске, на границе с Китаем [29]. «Стратегическое партнёрство» с Китаем и характер отношений между политическим руководством двух государств не позволяют руководству России открыто кивать в сторону потенциального, с его точки зрения, источника угроз, однако многочисленные алармистские публикации¹¹, сорвавшиеся с неосторожных губ политиков высказывания (здесь достаточно вспомнить перлы В.В. Жириновского по поводу Китая и китайцев), изучение общественного мнения¹² и скорость реализации целого ряда российско-китайских договорённостей¹³ однозначно указывают на объект, от которого ждут неприятностей в России. «Опасения России в отношении Китая труднопреодолимы», — констатирует Ли Синь [17, с. 34].

В результате самой актуальной задачей на восточных окраинах страны, решением которой сегодня озабочена Москва, является отнюдь не кардинальный подъём уровня их социально-экономического развития, хотя именно в этом пытается убедить население региона и, возможно, сама себя центральная власть. Похоже, что она смирилась и с безуспешностью попыток увеличить численность населения региона. Сегодня во главу угла поставлены более прочная привязка этой территории к центру (через модернизацию его транспортной инфраструктуры, прежде всего Транссиба и БАМа) и ускоренное освоение, а также продажа за рубеж природных ресурсов, которыми она обладает.

Именно в таком духе сформулированы цели и задачи программы развития региона до 2025 г., инициированной новым руководством Министерства по делам Дальнего Востока осенью 2013 г. и утверждённой решением правительства 15 апреля 2014 г. По-прежнему декларируя высокие цели — «ускоренное социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона, ориентированное на реализацию экспортного потенциала», государство — исходя из предложенной в проекте модели — берёт на себя решение только двух задач. Первая — создание

¹¹ Достаточно упомянуть заголовок только одной подобной статьи, чтобы понять логику и аргументацию авторов: «Китай нападет на Россию с вероятностью 95—99%. Вопрос: когда? Эксперт А. Храмыхин» [<http://russview.ru/read/638-kitaj-napadet-na-rossiyu-s-veroyatnostyu-95-99.html>].

¹² По данным опроса 2010 г., 54% респондентов на Дальнем Востоке в той или иной степени согласились с тезисом о наличии угрозы безопасности России со стороны Китая [см. 16, с. 78]. Летом 2013 г. на юге Дальнего Востока таковых оказалось 50% [15, с. 13].

¹³ Достаточно упомянуть до сих пор не реализованные соглашения о строительстве моста через Амур в районе Благовещенск — Хэйхэ (1995) и создании приграничных торгово-экономических комплексов (1998), а также договорённость об открытии генеральных консульств во Владивостоке и Харбине.

«территорий опережающего развития» (ТОР), куда, как по мановению волшебной палочки, должен устремиться российский и зарубежный капитал, массово создавая там «производства, ориентированные на экспорт». Вторая — модернизация транспортной инфраструктуры региона, прежде всего Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей и морских портов, через которые и пойдёт этот экспорт. На эти цели в последующие 11 лет федеральному бюджету предлагается выделить 537 млрд руб. [38, с. 1—4], почти в три раза меньше, чем было израсходовано на объекты Сочи в преддверии Олимпиады 2014 г. и на 160 млрд меньше, чем потрачено на подготовку к саммиту АТЭС во Владивостоке¹⁴.

Предложенный проект программы фактически означает отказ государства от трёх «священных коров» советского и постсоветского периода: 1) идеи «комплексного развития Дальнего Востока» в пользу обособленных «территорий опережающего развития»; 2) обязательств по финансированию этого развития; 3) попыток сплошного заселения региона «соотечественниками» из Европейской России и стран СНГ. По крайней мере, задача «развития человеческого капитала» в этом проекте обоснуется не более чем необходимостью кадрового обеспечения программы и контролируется через выполнение таких показателей, как количество созданных рабочих мест (426,81 тыс.) и прибывших переселенцев (853,75 тыс. чел.) [38, с. 3]. Национальность переселенцев не оговаривается, так что на практике это могут быть граждане Украины, Узбекистана или Китая. Сколько из этих прибывших останется на постоянное жительство и сколько коренных жителей за это время покинут регион, авторы программы предпочитают не загадывать.

Теоретически модернизация портов и железных дорог может рассматриваться как укрепление интеграционного потенциала региона, в той же степени как строительство на его территории нефте- и газопроводов. Однако это не предполагает развития восточных районов России с точки зрения превращения их в пригодную для комфортной жизни и привлекательную для людей территорию.

Сложной и пока не решённой проблемой остаётся поиск инвесторов, готовых серьёзно вложиться в развитие региона. Ранее, декларируя политику поддержки привлечения иностранных инвестиций для развития Сибири и Дальнего Востока, центральная и местная власти в реальности мало что делали для этого. Особо настороженным было отношение к китайским вложениям в регион. Не случайно сами китайцы глубоко убеждены, что россияне по меньшей мере с осторожностью относятся к привлечению крупных китайских инвестиций и рабочей силы, опасаясь

¹⁴ По оценкам Фонда борьбы с коррупцией, подготовка к Олимпиаде и её проведение обошлись в 1,5 трлн руб., в том числе из госбюджета было потрачено 848 млрд руб. [<http://sochi.fbk.info/ru/price/>]. По данным Счётной палаты РФ, на конец 2012 г. общий объём инвестиций в объекты саммита АТЭС во Владивостоке составил 689,6 млрд руб., в т.ч. напрямую из бюджета — 264 млрд руб. [<http://audit.gov.ru/activities/control/1304/>].

«установления экономического и политического контроля Китая над этими территориями» [43, с. 33]¹⁵. Сегодня отношение начинает меняться. Первым шагом на этом пути стало создание в июне 2012 г. Российско-китайского инвестиционного фонда (РКИФ)¹⁶. Но до реального прогресса, всё же, как мне кажется, достаточно далеко¹⁷. Создание ТОРов призвано, по словам министра по делам Дальнего Востока А. Галушки, обеспечить «глобальную международную конкурентоспособность, условия инвестирования, ведения бизнеса на Дальнем Востоке России в сравнении со странами АТР» [34], но в какой степени эти идеи будут реализованы, может показать только время.

Второе препятствие для продвижения России на восток — размытое понимание, а зачастую отсутствие понимания вообще, что такое интеграция в АТР. Более того, Концепция внешней политики РФ 2013 г. декларирует лишь «заинтересованность» России «в активном участии в интеграционных процессах» в регионе, и не более того. А поскольку нынешние «интеграционные процессы» в регионе — это движение преимущественно хаотичное, противоречивое и во многом безрезультатное, то и российская «интеграция» становится скорее формой, чем содержанием, сводясь к расширению экономического и политического присутствия России в АТР.

И, наконец, третье препятствие — это по-прежнему неопределённая позиция правительства страны в отношении вовлечения Китая в развитие

¹⁵ Некоторые западные эксперты уже прямо указывают на существование такого контроля. К. Bolton, например, пишет, что Китай уже «тайно вступает во владение русским Дальним Востоком посредством коммерции» [45, р. 168], а С. Бланк — об угрозе для России превратиться в «разновидность колониального сырьевого придатка Китая» [46, р. 64].

¹⁶ Создан на основе совместного решения Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) и China Investment Corporation. По версии руководства РФПИ, этот фонд должен будет «фокусироваться на трансграничных инвестициях... намерен инвестировать в инфраструктуру, транспортный сектор и коммунальное хозяйство, недвижимость, сельское хозяйство, лесопереработку, сектор коммерческих услуг, промышленное производство, технологический, телекоммуникационный и медийный секторы, здравоохранение, добычу и переработку природных ресурсов с высокой добавленной стоимостью и прочие секторы, предполагающие высокую доходность с поправкой на риск».

¹⁷ За два прошедших года фонд отметился только лишь приобретением 42% акций RFP Group (Russian forest products group), крупнейшего российского холдинга в сфере лесного хозяйства на Дальнем Востоке России (более 10% и 15% российского экспорта лесопроductии в Китай и Японию). Предполагается, что эти инвестиции «будут направлены в компанию для строительства самого мощного в регионе Центра глубокой переработки древесины» [<http://rdif.ru/fullNews/463/>]. 20 мая 2014 г. фонд подписал два соглашения с китайскими компаниями. Первое — меморандум о взаимопонимании с компанией Vscanland с целью создания совместного инвестиционного фонда размером 800 млн долл., который «сфокусируется на проектах в области туризма и ухода за пожилыми людьми в Китае и России с упором на такие популярные туристические направления, как о-в Хайнань, озеро Байкал, Владивосток и Сочи» [<http://rdif.ru/fullNews/947/>]. Второе соглашение подписано с холдингом Global Logistic Properties (GLP) — ведущим провайдером объектов логистической инфраструктуры в Японии, Китае и Бразилии — об инвестировании в его китайское подразделение [<http://rdif.ru/fullNews/945/>].

Тихоокеанской России. Призыв президента страны «поймать «китайский ветер» в «паруса» нашей экономики», активнее выстраивать новые кооперационные связи, сопрягая технологические и производственные возможности наших стран, и, наконец, использовать китайский потенциал «в целях хозяйственного подъёма Сибири и Дальнего Востока» [31], по большому счёту, проигнорирован. Возможно, потому, что президент призывал это делать «с умом», а ум у российской политической элиты настроен на иную волну.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: НОВЫЕ ВЕЯНИЯ И НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В принципе, о важности приграничных и межрегиональных связей в российско-китайских отношениях уже исписаны горы бумаги. Почти ни один саммит на уровне президентов и глав правительств двух государств не обходился без соглашений или, как минимум, деклараций о важности развития тех или иных направлений такого взаимодействия. В основе всего этого лежали интересы и инициатива региональных властей (прежде всего на китайской стороне границы), понимание и поддержка (преимущественно на уровне теории) со стороны Москвы и Пекина. Но при этом очевидным оставалось отсутствие у обеих столиц острой необходимости принимать кардинальные решения и предпринимать конкретные действия. Непреодолимым барьером оставались бюрократические препоны (прежде всего возводимые различными силовыми структурами) и психологические барьеры (синдром «китайской угрозы» и фактор цивилизационной совместимости).

По формальным основаниям (наличие целого ряда российско-китайских договорённостей о сотрудничестве в зоне совместной границы, самой известной из которых является соглашение о координации программ развития соседних территорий 2009 г.) можно было бы очень пространно рассуждать о разных формах, результатах и неудачах этого взаимодействия. Однако жизненный опыт российско-китайских отношений показывает, что намерения и декларации сторон лишь в малой степени подкреплены практикой повседневности. Как я уже не раз отмечал, межрегиональные связи в значительной степени развиваются стихийно, далеко не всегда вписываются в схему стратегического партнёрства и создают немало проблем их участникам. Более того, региональные власти как с российской, так и с китайской стороны регулярно и сознательно искажали картину и результаты приграничного сотрудничества, так что сегодня Москва и Пекин имеют не совсем адекватные представления о подлинном его состоянии [9, с. 149].

Тем не менее по ряду формальных показателей экономические и гуманитарные связи соседних российских и китайских территорий, с одной

стороны, занимают важное место в двусторонних отношениях, с другой — имеют критически важное значение для самих этих территорий.

В 2010 г. доля пяти территориально близких к России провинций и автономных районов Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Внутренняя Монголия, Синьцзян) в общем объёме торговли страны с Россией составила 30% (16,65 млрд долл.) [20, с. 62]. В 2012 г. на Россию пришлось 56,3% внешнеторгового оборота пров. Хэйлунцзян, а на россиян — 78,5% (1,5 млн чел.) от общего числа иностранных туристов, посетивших эту провинцию [40, с. 160—163, 515]. Российские туристы составили в том же году 36,7% (556 тыс. чел.) от числа иностранных туристов во Внутренней Монголии и 31,7% (320 тыс. чел.) — в пров. Цзилинь, заметно содействуя экономическому развитию этих территорий [23, с. 430; 41, с. 424].

Закономерно, что власти, деловые и академические круги этих провинций, прежде всего Хэйлунцзяна и Цзилини, настойчиво ищут и предлагают российской стороне разнообразные пути и средства развития двусторонней торговли, туризма, инвестиционного и научно-технического взаимодействия. Многие действия предпринимаются в одностороннем порядке, на территории Китая, примыкающей к границе с Россией, в надежде, что, осознав выгоду от сотрудничества, российская сторона будет подключаться к участию в китайских инициативах. Последним таким проектом является заявка пров. Хэйлунцзян на учреждение «Интегрированной зоны свободной торговли Харбин — Муданьцзян». По утверждению вице-губернатора провинции Сунь Яо, главной целью её создания является дальнейшее развитие китайско-российского сотрудничества с последующим его распространением на Южную Корею, Японию и другие страны СВА [<http://news.dlcm.com/2014/02/27/022709071056579.shtml>]¹⁸.

В начале второго десятилетия XXI в. большие надежды, особенно с китайской стороны, возлагались на соглашение о координации планов Кремля по развитию Дальнего Востока и Забайкалья и программы восстановления промышленной базы Северо-Восточного Китая. Пассивность сторон, особенно российской, в выполнении соглашения понуждала высшее руководство двух государств напоминать друг другу о важности проекта. Так, «Совместное заявление», принятое по итогам саммита глав двух государств в марте 2013 г., предполагало «наращивание... усилий по выполнению Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР» [35]. Однако за четыре года реализации программы из 204 проектов с участием России были полностью реализованы только 8 (0,04%), находятся в стадии выполнения 29 (14,2%) [49].

Если исходить из формальных показателей, то приграничные территории России имеют меньшее значение в двусторонних отношениях, чем их китайские соседи. Пять пограничных с Китаем районов России (Приморский, Хабаровский и Забайкальский края, Амурская и Еврейская автономная области) получили от торговли с КНР в 2010 г. на сумму,

¹⁸ Более подробно о проекте см. 6, с. 55—60.

почти в три раза меньшую, чем соседи по другую сторону границы — 5,9 млрд долл. (10,6% двусторонней торговли), а в 2013 г. 8,8 млрд долл. (9,9% торговли РФ с КНР)¹⁹. Возможно, это обстоятельство, как и малый вес этих территорий в экономике, политике и общественной жизни российского государства напрямую сказываются на отношении Москвы к приграничной торговле с КНР.

Однако связи с Китаем играют в их экономической и социальной жизни крайне важную роль и, по большому счёту, в немалой степени обеспечивают экономическую и социальную стабильность на этих территориях. Китайское направление занимает доминирующий сегмент во внешнеторговых связях Забайкалья (86,5% в 2012 г. и 81% в 2013 г.), Амурской (90 и 86,7%) и Еврейской автономной (98,7 и 82,3%) областей, заметную — во внешней торговле Приморского (49,8 и 52,2%) и Хабаровского (43,3 и 46,4%) краёв [<http://dvtu.customs.ru>; http://xn--b1allbezbi1h.xn--80aaaac8algcbgck3fl0q.xn--p1ai/f_economic_relations/statistics_trade.html]. Не менее значимым является социальный фактор. Из 1,5 млн россиян, побывавших в 2011 г. в КНР по линии туризма, на долю жителей пяти приграничных с Китаем территорий Тихоокеанской России пришлось без малого 70% (1,03 млн чел.)²⁰. При этом численность населения этих пяти территорий составляла 5,5 млн чел., а немалое число «туристов» по-прежнему посвящает свои поездки коммерции или, по крайней мере, совмещает эти занятия.

Обстоятельства последних месяцев в очередной раз дают основания предположить, что власти обоих государств готовы обратить самое пристальное внимание на громадный, но неиспользованный потенциал их приграничного сотрудничества. Усиление давления Запада на Россию, вызванное событиями на Украине, окончательно развеивает иллюзии российской политической элиты и общества на предмет заинтересованности США и Европы в равноправном сотрудничестве с Россией и фактически толкает её на восток. У России нет альтернативы расширению и углублению взаимодействия со странами Азии (прежде всего с Китаем и Индией) не только в борьбе за установление нового мирового порядка, но и в сфере экономического и гуманитарного сотрудничества. С другой стороны, усилившееся в последнее время давление на Китай со стороны США, обострение отношений с соседями (Япония, Вьетнам) побуждают и Пекин углублять взаимодействие с Россией по разным направлениям. Внутренняя социально-политическая стабильность России и Китая в значительной степени будет зависеть от их способности модернизировать это сотрудничество, причём не столько через расширение торгово-экономических связей, сколько посредством более эффективного использования своего интеллектуального капитала, достижений науки и образования.

¹⁹ Подсчитано на основе официальной статистики.

²⁰ 293 тыс. поездок в КНР по безвизовому каналу было совершено из Забайкальского края (при населении края 1,1 млн чел.), 69 тыс. — из Амурской обл., 582 тыс. — из Приморского и 60 тыс. — из Хабаровского краёв, 29 тыс. — из ЕАО.

С этой точки зрения подписанное по итогам Шанхайского саммита 2014 г. «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики» [36] чего-то принципиально нового в себе не несёт. Шаблонные заявления о необходимости «активно развивать межрегиональное сотрудничество», «усилить работу по развитию трансграничной транспортной инфраструктуры»²¹, «конструктивное взаимодействие по вопросам охраны и рационального использования трансграничных водных ресурсов» и прочее особых эмоций не вызывают. Более свежо звучат намерения «активно прорабатывать проекты строительства новых объектов электрогенерации в России для наращивания экспорта электроэнергии в Китай», «стимулировать существенный рост взаимных капиталовложений, в том числе в объекты транспортной инфраструктуры, комплексное освоение месторождений полезных ископаемых». Многообещающим, но очень непростым выглядит намерение сторон «улучшить условия для транзита китайских грузов через сеть российских железных дорог, порты Дальнего Востока России, а также по Северному морскому пути».

Последние два фактора мне кажутся наиболее принципиальными. Незрелость инфраструктуры Тихоокеанской России, как внутренней, так и внешней, связывающей регион с окружающим миром, является камнем преткновения в его развитии. Глубокая заинтересованность провинций Северного и Северо-Восточного Китая в полнокровном выходе к океанским торговым трассам, в том числе к Северному морскому пути, создаёт хорошие стартовые основы для взаимодействия России и Китая на этом направлении. Причём спектр решений может быть очень разнообразен: от создания короткого транспортного «плеча» Хуньчунь — порт Посьет до реализации пока футуристического, но амбициозного трансконтинентального железнодорожного проекта Азия — Америка, проект которого активно в последнее время продвигает Якутия и поддерживает глава РЖД В.И. Якунин [10]. Однако местные амбиции, узконаправленные пристрастия собственников (к примеру, многие из владельцев портовых сооружений Тихоокеанской России находятся очень далеко и от дальневосточных морей, и от Китая), конфликты интересов серьёзно усложняют решение этих задач.

Китайские эксперты уверены, что в Китай является не только «партнёром, попутчиком и посредником» при продвижении России в АТР, способен облегчить России интеграцию в этот регион [33, с. 114], но может

²¹ В это заявление вполне вписываются запланированные в проекте Программы социально-экономического развития Дальнего Востока до 2018 г. реконструкция участков железной дороги Биробиджан — Ленинск (необходимого для железнодорожного мостового перехода через р. Амур, который строится по российско-китайскому межправительственному соглашению от 28 октября 2008 г.) и Барановский — Хасан (перевозка грузов в направлении порта Посьет), а также развитие железнодорожной инфраструктуры участка Махалино — Камышова — Граница с КНР [39, с. 20—21].

стать его главным инвестором и «локомотивом ускоренного развития Дальнего Востока» [21, с. 232]. При этом крупные китайские инвестиции стратегического характера могут обеспечить прорыв в привлечении капиталов других государств региона, прежде всего Японии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, в экономику Тихоокеанской России. С одной стороны, пример заразителен, с другой — очевидное стремление соседей России не допустить экономического доминирования Китая в восточных районах должно побудить и их к активным шагам в этом направлении. Однако такие инвестиции в Россию явно не пойдут без гарантий со стороны российского государства и без его целенаправленной борьбы с разнузданной бюрократией и всеилием министерств и ведомств.

Принципиально важным для России и Китая является и переход от пустых разговоров о «кооперации в высокотехнологичных секторах» и «углублении связей в области науки и техники» к фактическому взаимодействию. В КНР уже созданы приборная и технологические основы и интеллектуальная среда для равноправного и эффективного взаимодействия с российской фундаментальной наукой. Как утверждают китайские специалисты, Китай уже совершил прорыв в ряде базовых технологий, обладает немалой интеллектуальной собственностью и может наравне сотрудничать с Россией в таких областях, как космонавтика, нанотехнологии, энерго- и природосбережение, биомедицина, информационные технологии и военная техника [19, с. 12]. Так что поставленная в «Совместном заявлении» 2014 г. задача «совместных перспективных разработок, предполагающих равнозначный финансовый и научно-технический вклад, полный инновационный цикл, надёжную защиту прав интеллектуальной собственности», в принципе, может быть решена. Правда, большой негативный опыт, накопленный многими научными институтами Сибирского и Дальневосточного отделений РАН в ходе взаимодействия с китайскими коллегами в течение последних двадцати лет, забыть не просто, а посему, как мне кажется, необходимо специальное двустороннее соглашение, создающее правовое поле и безопасную среду для научно-технического сотрудничества двух государств.

Однако высказанные выше соображения вполне могут оказаться и пустым звуком. От чрезмерной эйфории в отношении развития российско-китайских приграничных и региональных связей должен удерживать хотя бы тот факт, что в Программе социально-экономического развития Дальнего Востока до 2018 г. Китай упоминается лишь несколько раз, да и то только в связи с реконструкцией двух железнодорожных веток, ведущих к границе. Попытки некоторых местных предпринимателей реализовать собственные проекты по-прежнему наталкиваются на непонимание и противодействие властей на всех уровнях.

Возможной точкой прорыва может стать крупный международный проект, защищённый явно выраженной политической волей глав двух государств, к примеру, создание крупной научно-технологической и портовой свободной экономической зоны на юге Приморского края. Опыт

современной России показывает, что на нынешнем этапе её развития для решения действительно фундаментальных и принципиальных задач необходим личный патронаж со стороны главы государства. Развитие Тихоокеанской России и полноправное участие в этом Китая является именно такой фундаментальной и принципиальной задачей.

Россия в своём продвижении на Восток прежде всего может и должна ориентироваться и опираться на Китай. Причина очевидна: интересы двух государств во многом тождественны не только в контексте формирования нового мирового порядка, принципиально новой системы безопасности в АТР, решения ключевых вопросов глобального развития и конкретных проблем в разных точках мира. Они в равной степени совпадают в обеспечении стабильного социально-экономического развития соседних территорий двух государств. При этом зоны общих интересов сегодня не ограничиваются приграничными территориями. Они значительно шире. Гигантские по масштабам нефтяная и газовая сделки, освоение Северного морского пути вовлекают в это взаимодействие огромные территории. Соответствующим образом идеи стратегического партнёрства России и Китая должны быть аккуратно встроены в ныне создаваемые принципиально новые концепции развития Тихоокеанской России, дополнены и существенно расширены новыми формами и моделями двусторонних отношений.

Интеграционные связи, уже сложившиеся в российско-китайских приграничных отношениях, могут быть эффективно использованы как одна из основ для решения более масштабных задач.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Александрова М.В. Российско-китайские приграничные экономические отношения. М.: Изд-во «Огни», 2005.
2. Ван Гаофэн. Чжун-э цзинмао гуаньси: сяньчжуан, чжиюэ иньсу, фачжань цянцзин = Китайско-российские отношения: современное состояние, сдерживающие факторы, перспективы развития // Сиболия яньцзю. 2005. № 3.
3. Ван Шучунь. Цзинци вайцзяо юй чжун-э гуаньси = Экономическая дипломатия и российско-китайские отношения. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2007.
4. Внешняя торговля Российской Федерации в 2013 г. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:4676187130291150::NO>.
5. Го Ли. Элосы дунбэйя чжаньлюэ пинси = Анализ стратегии России в Северо-Восточной Азии // Элосы чжунъя дунбоу яньцзю. 2006. № 3.
6. Да Чжиган. Кокурю: ко:сё:-но коккё: дзю: боэкику сэцурицу-ни окэру кано:сэй то тэнбо: = Возможность и перспективы создания трансграничной зоны свободной торговли в провинции Хэйлунцзян // ERINA REPORT. 2014. June. № 118. С. 55—60.
7. Дяо Сюхуа. Состояние и перспективы экономического сотрудничества между Россией и Китаем // Проблемы Дальнего Востока. М. 2013. № 1.
8. Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.

9. Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации // Россия и АТР. Владивосток. 2011. № 2.
10. Из России в Америку по рельсам // Взгляд. Деловая газета. М. 2012. 15 марта.
11. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F.
12. Ларин В.Л. Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России. М.: Московский центр Карнеги, 2013. 25 с.
13. Ларин В.Л. «Горячие точки» российско-китайских отношений в современной китайской исторической и экономической мысли // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. XV. Востоковедение. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 5—23.
14. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005.
15. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. Владивосток. 2014. № 2.
16. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011.
17. Ли Синь. Элосы сиболия хэ юаньдун кайфа юй чжунго дэ цзюй = Развитие российских Сибири и Дальнего Востока и шансы Китая // Сиболия яньцзю. 2013. № 6.
18. Ли Юнцюань. Чжун-э цзай дунбэйя хэцзо цянцзин гуанко = Широкие перспективы китайско-российского сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Сиболия яньцзю. 2013. № 10.
19. Лу Наньцюань. Чжун э ин ба лянхаодэ чжэнчжи фэньвэй чжуаньхуа Вэй уши хэцзо = Китай и Россия должны обратить благоприятную политическую атмосферу в практическое сотрудничество // Сиболия яньцзю. 2013. № 10.
20. Лю Цинцай. 21 шицзи чу элосы ятай чжэнцэ яньцзю = Изучение политики России в АТР в начале XXI века. Пекин: Шэхуй кэсюэюань чубаньшэ, 2013.
21. Ма Юцзюнь. Пуцзин гуйхуй хоу элосы юаньдун чжэнцэ таньси = Анализ дальневосточной политики России после возвращения Путина // Дилюцзе дунбэйя цюйюй хэцзо фачжань гоцзи луньтань = Материалы Шестой международной конференции по развитию регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Харбин. 2013.
22. Миграция населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2011.
23. Нэй мэngu тунци няньцзянь = Ежегодник автономного района Внутренняя Монголия. Пекин: Чжунго тунци чубаньше. 2013.
24. Обзор внешнеэкономической деятельности Дальневосточного региона за 2013 год // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток. 2014. № 1.
25. Портяков В.Я. Российско-китайские торгово-экономические связи // Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы. М.: РАН, Институт Дальнего Востока, 2005.
26. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.
27. Пресс-конференция по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета. 24 октября 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19485>
28. Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по вопросам обеспечения национальной безопасности на Дальнем Востоке. 27 ноября 2002 г. // http://archive.kremlin.ru/appears/2002/11/27/0003_type63374type63378_29588.shtml.
29. Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». Благовещенск. 21 июля 2000 г. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/21/0000_type63374type63378_28796.shtml.

30. Путин В.В. Выступление в Министерстве иностранных дел 26 января 2001 г. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2001/01/26/0000_type63378_28464.shtml.
31. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Моск. новости. 2012. 27 февр.
32. Си Цзиньпин цзай мосыке гоцзи дасюэ дэ яньцзын = Речь Си Цзиньпина в МГИМО. 23 марта 2013 г. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1024371.shtml
33. Син Гуанчэн. Элосы ятай чжаньлюэ хэ чжэнцэ дэ синь бяньхуа = Новые изменения в стратегии и политике России в АТР // Гоцзи вэньти яньцзю. 2012. № 5.
34. Совещание правительства о механизмах опережающего развития Дальнего Востока. 2 июля 2014 г. — <http://government.ru/news/13505>.
35. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 22 марта 2013 года. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1423.
36. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642.
37. Титаренко М.Л. Россия и её азиатские партнёры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «Форум», 2012.
38. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». С. 1—4. URL: <http://minvostokrazvitia.ru/>.
39. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года». URL: <http://minvostokrazvitia.ru/upload/iblock/c31/fcp480update.pdf>.
40. Хэйлунцзын тунцзи няньцзынь = Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзын. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньше, 2013.
41. Цзилинь тунцзи няньцзынь = Статистический ежегодник провинции Цзилинь. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньше, 2013.
42. Цыплаков С. Российско-китайские торгово-экономические связи: извилистый подъём // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6.
43. Чжао Хуашэн. Чжунго цзюэци дуй элосы ши вэйсе ма? = Подъём Китая — угроза для России? // Гоцзи вэньти яньцзю. 2013. № 2.
44. Шан Юйфан. Чжун-э цзинмао гуаньсидэ сяньчжуан цзи чжюэ иньсу фэньси = Анализ состояния и факторов, ограничивающих китайско-российские торгово-экономические отношения // Чжун-э гуаньсидэ лиши юй сяньчжуан = Китайско-российские отношения: история и настоящее. Вып. 2. Пекин: Шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2009.
45. Bolton K.R. Russia and China An Approaching Conflict // The Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2009. Summer. Vol. 34. No. 2.
46. Blank Stephen. Russia's Failure in Asia // UNISCI Discussion Papers 24. Oct 2010.
47. Nakamada Shigeki. Resurgence of Major-power Ambitions and Changes in Russia's Foreign Policy // Russia's Shift toward Asia / ed. by Hiroshi Kimyra. Tokyo: The Sakakawa Peace Foundation, 2007.
48. Putin W. Plädoyer für Wirtschaftsgemeinschaft — Von Lissabon bis Wladiwos // Süddeutsche Zeitung. 2010. Nov. 25.
49. Yang Cheng. State-Managed Integration Functioned as a Contributor to Regional Development: The Case of Program of Cooperation Between the Northeast of the People's Republic of China and the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation (2009 to 2018) — Unpublished paper presented at Inaugural Conference on “Developing Asia Pacific's Last Frontier: Fostering International Cooperation in the Development of Russia's Siberia and Far East”. Singapore. Dec. 16—18, 2013.